

ՀՏԴ 327(470:44)Հնհանուր պատմություն

Валерий АВАНЕСЯН
кафедра истории АрГУ, д.и.н.

ФРАНКО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКИХ БЕЖЕНЦЕВ

Վ. Ավանեսյան

ՖՐԱՆՎՈՒՌՈՒՍԱԿԱՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ԵՎ ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ՓԱԽՍՏԱԿԱՆՆԵՐԻ ՀԱՐՑԸ

Հունգարական հեղափոխությունը ճնշելուց հետո այդ իրադարձությունների շատ քաղաքական գործիչներ և մասնակիցներ գաղթեցին Օսմանյան Թուրքիա՝ դառնալով քաղաքական փախստականներ: Ռուսական և Ավստրիական կայսրությունները դիմեցին Թուրքիային՝ դրանց վերադարձնելու պահանջով: Թուրք օսմաններին աջակցելու նպատակով Մեծ Բրիտանիան նավատորմ ուղարկեց Դարդենելի նեղուց: Նախաձեռնությանը միացավ Ֆրանսիան: Արդյունքում Ռուսաստանի և Ֆրանսիայի հարաբերությունների սրվեցին: Դա է վկայում նաև դիվանագիտական նամակագրության ուսումնասիրությունների արդյունքը:

Ճգնաժամը հաղթահարվեց, երբ Ավստրիան և Ռուսաստանը իրենց պահանջները չափավորեցին: Ֆրանսիական նավատորմը հետ կանչվեց:

Բանալի բառեր՝ Ռուսական կայսրություն, Նիկոլայ I, Ավստրիական կայսրություն, Ֆրանց Շոզեֆ, Ֆրանսիական Հանրապետություն, Լուի-Նապոլեոն Բոնապարտ, քաղաքական փախստականներ, Դրուեն դե Լյուիս, Նեսելրոդե, Թուրքիա:

После подавления Венгерской революции многие политические деятели и участники этих событий эмигрировали в Османскую Турцию, став политическими беженцами. Российская и Австрийская империи обратились к Турции с требованием выдать их. В защиту турок-османов, как всегда, выступила Великобритания, которая отправила в Дарденеллы свой военный флот, затем к ней присоединилась и Франция. Это привело к обострению отношений между Россией и Францией. Изучение дипломатической переписки – тому свидетельство. Кризис был

преодолен после того, как Австрия и Россия умерили свои требования. Французский флот был отозван.

Ключевые слова: Российская империя, Николай I, Австрийская империя, Франц-Иосиф, Французская республика, Луи-Наполеон Бонапарт, политические беженцы, Друэн-де Люис, Несельроде, Турция.

V.AVANESYAN

FRANCO-RUSSIAN RELATIONS AND THE PROBLEM OF POLITICAL REFUGEES

After the suppression of the Hungarian Revolution, many political figures and participants of these events emigrated to Ottoman Turkey, becoming political refugees. The Russian and Austrian Empires appealed to Turkey to extradite them. In defense of the Ottoman Turks, as always, Great Britain acted, which sent its military fleet to the Dardanelles, after France joined it. This led to an aggravation of relations between Russia and France. The study of diplomatic correspondence is evidence of this. The crisis was overcome after Austria and Russia moderated their demands. The French fleet was withdrawn.

Key words: Russian Empire, Nicholas I, Austrian Empire, Franz Joseph, French Republic, Louis Napoleon Bonaparte, political refugees, Drouin de Luys, Neselrode, Turkey.

Цель статьи – изучить с помощью дипломатической переписки кризис, возникший между Францией и Россией по вопросу политических беженцев после подавления Венгерской революции. Автор использовал в качестве методов исследования историзм, сравнительный анализ и междисциплинарный подход.

В многонациональной Австрийской империи в марте 1848г. началась революция. Эти события повлекли за собой активизацию национально-освободительного движения в провинциях империи, в том числе в Венгрии, которая провозгласила свою независимость 14 апреля 1849г.

Это событие угрожало распадом Австрийской монархии. Император Франц-Иосиф обратился за помощью к Николаю I. Последний направил армию для подавления венгерской революции, предварительно обнародовав манифест по этому поводу.

Как только известие об этом дошло до Франции депутат Флокон обратился к министру иностранных дел с запросом с целью уточнить, какой линии будет придерживаться французское правительство в вопросе вмешательства России в австрийские дела. Друэн де Люис, министр иностранных дел Франции, ответил, что, узнав об этом проекте, он пытался предупредить о нем дипломатическим путем, обратившись с нотой в Петербург, Берлин, Вену, Лондон. Киселев, временный поверенный в делах России, сообщил: "...друзья порядка, включая членов настоящего правительства очень озабочены оборотом событий, которые могут принять дела Венгрии. Они выступают за быстрое подавление восстания, так как

победа, даже временная усилит дерзость и буйства демагогической партии¹ в этой стране (Франции - В.А.). Именно эти чувства не скрывали от меня политические деятели"². В частности, Друэн де Люис в беседе с Киселевым подчеркнул, что "он ждет с нетерпением новостей из Венгрии и надеется, что они примут лучший (meilleur) оборот для Австрии"³. Озабоченный венгерскими делами Друэн де Люис писал Ферьеру, временный поверенный в делах Франции: "Необходимо, чтобы обе державы (Россия и Австрия - В.А.) считали эту интервенцию необходимой, чтобы они не считались совершенно с моральным ослаблением, которое произойдет для Австрии, с крайним возбуждением, с которым воспримет это Германия и теми потрясениями, которые это событие нанесет европейской политике."⁴

Но дебаты возобновились с новой силой, когда в Париже стало известно о содержании манифеста Николая I. Были представлены две резолюции: одна Жоли и Саррана⁵, составленная совместно с Бастидом, другая - Кавеньяком. Первая резолюция гласила: "Национальное собрание, принимая во внимание, что принципу национальной независимости и безопасности французской республики угрожает манифест и движение войск иностранных держав обязывает исполнительную власть принять энергичные меры, чтобы заставить уважать честь и интересы республики и в то же время национальную независимость народов"⁶. Министр иностранных дел ответил, что, если Национальное собрание считает, что нужно было действовать иначе, чем дипломатическим путем, то оно должно указать для того меры. Тогда Жоли закричал на это: "Война! ". Положение спас президент Совета Одилон Барро, который подчеркнул, что император Николай I признал Французскую республику. Этого было достаточно, чтобы отбросить резолюцию Бастида - Жоли и принять 436 голосами против 184 предложение Кавеньяка, которое гласило: "Национальное собрание обращает серьезное внимание правительства на события и движения войск, которые происходят в Европе, озабоченное опасностью этой ситуации как для будущей свободы, так и для внутренних и внешних интересов республики оно рекомендует правительству принять необходимые меры, чтобы их защитить"⁷. Поправка, внесенная Бастидом о защите национальной независимости народов, была отклонена 346 голосами против 269⁸ . Такой исход не был случайным. К.Маркс, очевидец этих событий, писал, что этому "министерству (Барро - В.А.) нужна победа контрреволюции за границей, чтобы завершить контрреволюцию в самой Франции"⁹ ". Это молчаливое согласие Франции сыграло свою роль в подавлении венгерской революции. Перед открытием заседания Национального собрания (22 мая) Киселев встретился с Друэн де Люисом и в содержании своей беседы сообщил Нессельроде: "Министр мне сказал, что он рассматривает ваш манифест, как документ, не содержащий в себе ничего враждебного против французской республики как

¹ Киселев называет демагогической партией "Гору".

² АВПР, ф. Канцелярия, д. 124, Киселев - Нессельроде, канцлер России X/13 мая 1849, д. 227.

³ Там же, 4/16 мая 1849, л. 228.

⁴ Друэн де Люис - Ферьеру 7 мая 1849. Цит. по: Barst E. L'Empereur Nicolas Ier ...

⁵ Представители "Горы".

⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 124, Киселев - Нессельроде, 12/24 мая 1849, л. 239.

⁷ Там же.

⁸ Там же, 11/23 мая 1849, л. 238

⁹ Маркс К. Внешняя политика Французской республики. Соч. ,т.6, с. 425.

оппозиция пыталась его представить и что декларации, которые он содержал, как и циркуляр Вашего Превосходительства от 27 апреля направлены только против анархистов, с которыми французское правительство само борется" . Таким же образом рассматривали манифест главные представители "партии порядка" Граф Моле сказал Киселеву: "Я не могу передать Вам, насколько я восхищен документами вашего кабинета" Тьер, говоря Моле о манифесте императора, подчеркнул: "... эти документы творят добро среди событий, в которых мы живем, и я не могу читать их равнодушно"¹.

28 мая Национальное собрание уступило свое место Законодательному собранию, где большинство мест получили представители "партии порядка". Токвиль, новый министр иностранных дел, обещал Киселеву от имени французского правительства не вмешиваться в венгерские дела и способствовать улучшению отношений между двумя государствами². Когда представитель "Горы" депутат Мокен выступил с критикой в адрес России, угрожающей своими действиями безопасности Франции, Токвиль ответил следующим образом: "...до настоящего момента в действиях России, в объяснениях, которые она дала, в переписке со своими агентами, в поведении царя не дает мне никаких оснований считать, что эта боязнь является обоснованной ... Опасение коалиции является химерическим ... но если демократическая и социальная республика сможет водрузить в этой стране свое знамя, если меньшинство станет большинством, если правительство перейдет в другие руки, то я уверен, что война стала бы не только вероятной, но и неизбежной (certaine) ... республика нуждается в двух вещах - доказать Франции и Европе, что она может осуществить порядок внутри и мир во вне"³. Ответ Токвида получил признание царского кабинета. Нессельроде писал Киселеву: "...больше всего мы приветствуем храбрость, с которой Токвиль выразил громогласно, языком, полным достоинства консервативные намерения правительства в отношении укрепления внутреннего порядка и поддержания добрых отношений с другими государствами..."⁴.

Французское правительство, желая укрепить наметившееся сближение, решило послать в Петербург генерала Ламорисьера в качестве чрезвычайного и полномочного посланника с временной миссией, поскольку он являлся депутатом Законодательного собрания. Об этом решении Токвиль сообщил Киселеву и просил узнать мнение императорского кабинета относительно кандидатуры генерала⁵. Узнав об этом решении французского правительства, Нессельроде писал Киселеву: ...спешу информировать Вас, что император принял с живейшим удовлетворением намерение французского кабинета послать генерала Ламорисьера с миссией чрезвычайного и полномочного посланника ..» военный талант, доблестный характер генерала найдут у императора добрый прием"..⁶ Этот выбор не понравился Луи-Наполеону, поскольку, как сообщил хорошо информированный Киселев "генерал

¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 124, Киселев - Нессельроде, 11/23 мая 1849, л. 238.

² АВПР, ф. Канцелярия, д. 124, Киселев - Нессельроде, 6/18 июня 1849, л. 499.

³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 124, из газеты *Moniteur*., от 27 июня 1849 г., л. 504.

⁴ АВПР, ф. Российское посольство в Париже, д. 156, Нессельроде - Киселеву, 24 июня/1 июля 1849, л. 99-102.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 124, Киселев - Нессельроде, 18/30 июня 1849, л. 505.

⁶ АВПР, ф. Российское посольство в Париже, д. 156, Нессельроде - Киселеву, 24 июня/ 6 июля 1849, л. 99.

Ламорисьер, тесно связанный с Кавеньяком, не предан президенту и не будет защищать его личные интересы"¹. Луи-Наполеон, как писал Токвиль в своих "Воспоминаниях", "хотел иметь "своих людей" на постах посланников при правительствах великих держав"². Но противодействуя этой кандидатуре президент должен был бороться против двух течений в самом правительстве. Либеральная часть кабинета, представленная Дюфором, Барро, Токвилем, Пасси и Ланжюине, встречая упорное сопротивление со стороны консервативного большинства собрания намерению поставить во главе Альпийской армии (после смерти маршала Важо) генерала Ламорисьера, предложила последнему временную миссию в Россия. Другая часть в лице Фаллу, Рульера, Траса и Лакросса, решив отдалить генерала от его партии и лишить его таким образом возможности претендовать на активное военное командование, также охотно поддержала предложение послать его в Петербург. В итоге этот выбор получил единогласную поддержку в Совете министров, и президент республики вынужден был согласиться с этим решением³.

Посылая Ламорисьера в Петербург, Токвиль снабдил его специальной инструкцией по венгерскому вопросу и рекомендовал посланнику не затрагивать его. Отметим, что Ламорисьер не принял во внимание эту рекомендацию. Токвиль писал: "К сожалению наш роль в этом вопросе (венгерском - В.А.) может быть только пассивной. Ни буквальный смысл, ни дух мирных трактатов не дают нам права вмешиваться. Впрочем при теперешнем положении дел во Франции и в Европе мы принуждены вести себя сдержанно уже по той причине, что от нас очень далек театр военных действий. Вследствие невозможности говорить и действовать с пользой, мы уронили бы наше достоинство бесплодной агитацией и ни к чему не ведущим выражением наших добрых намерений. Поэтому мы должны ограничиваться наблюдением за ходом событий и старанием предугадать их вероятные последствия"⁴. Словом, Франция придерживалась политики полного невмешательства в венгерские дела.

Используя относительное сближение между двумя кабинетами Луи-Наполеон попытался через Киселева предложить императорскому кабинету идею европейского конгресса с целью пересмотра договоров 1815 года. Во, время очередной встречи с Киселевым⁵. он заявил: "Теперь, когда ваше заявление исключает всякую мысль о возможности коалиция, что меня все еще больше всего занимает, это желание, чтобы два столь сильных сейчас государства - Россия и Австрия, урегулировав венгерские дела, захотели бы также урегулировать на конгрессе общее положение в Европе и пересмотреть в согласии с другими договоры 1815 г., столь подорванные уже происшедшими событиями, а сама давность которых делает их отвратительными для нашей страны ... пока они существуют вместе с

¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 124, Киселев - Нессельроде, 26 июня/8 июля 1849, л. 804.

² Токвиль А. Воспоминания. М., 1893, с. 249.

³ АВПР, ф. Канцелярия, д. 124, Киселев - Нессельроде, 26 июня/ 8 июля 1849, л. 804.

⁴ Токвиль А. Указ. соч., с. 292.

⁵ Киселев должен был ознакомить президента с депешей Нессельроде от 24 июня /6 июля. В ней канцлер поручил Киселеву заверить французское правительство, что "пока Франция будет придерживаться такой политической линии" (речь идет о позиции Франции в венгерском вопросе - В.А.) Россия будет далека от мысли создавать коалицию против Французской республики". АВПР, ф. Российское посольство в Париже, дЛ56, Нессельроде - Киселеву, 24 июня/6 июля 1849, л. 102.

воспоминаниями об их происхождении и об условиях, в которых они были заключены, для Франции всегда будет существовать источник для раздражения и почва для революций... Именно в целях предупреждения переворотов в нашей стране и в целях установления во всей Европе прочного политического порядка, главные державы должны договориться о пересмотре договоров 1815 г. , устарелых и содержащих в зародыше революцию во Франции"¹. Киселев, зная об отрицательном отношении своего кабинета к пересмотру договоров 1815 года, подчеркнул, что "именно благодаря влиянию договоров в Европе был сохранен мир посреди самых ужасных общественных и политических потрясений" и поэтому "нужно быть счастливым от того, что их сохраняют"².

При вручении верительных грамот Ламорисьер в беседе с Николаем I затронул германский, римский и венгерский вопросы. Ответы русского императора в основном удовлетворили Ламорисьера. Касаясь римского вопроса Николай I отметил: "Мы принадлежим к числу людей, неспособных составить себе какое-нибудь понятие тех светских обязанностей, которые исполняются в Риме лицами духовного звания; но нам нет дела до того, какими способами эти люди в камилавках улаживают там свои дела, - лишь бы только там было сделано что-нибудь прочное и лишь бы вы организовали там такое правительство, которое могло бы держаться"³.

Германский вопрос был базой сближения для Франции и России. Об этом Николай I говорил так: "Если объединение Германии, которого вы безусловно не хотите также как и я, осуществится, нужно будет, чтобы им руководил человек, способный на то, чего сам Наполеон не смог осуществить; и если этот человек найдется, если эта вооруженная масса станет угрожающей, это будет наше дело - ваше и мое"⁴.

Таким образом, по основным проблемам европейской политики в целом, между Францией и Россией существовали идентичные взгляды. Но последующие события вновь обострили отношения между двумя государствами. Речь идет о политических беженцах.

После подавления венгерского восстания в Турции нашли убежище ряд его руководителей, включая Кошута» а также польские эмигранты - участники восстания - Дембянский, Бем и др. Россия и Австрия потребовали от Турции их выдачи. Политические беженцы обратились к французскому послу и просили у Франции заступничества. Генерал Опик, подстрекаемый Страфордом Каннингом⁵, обратился к министру иностранных дел Али-паше, чтобы обязать последнего отклонить требования России и Австрии. Затем французский и английский послы обещали от имени своих правительств, кстати, не имея на это никаких инструкций, помощь в случае необходимости⁶. Турецкое правительство отказалось выдать политических беженцев, но вместе с тем взяло на себя обязательство гарантировать

¹ Киселев дословно передал слова президента Нессельроде. АВПР, ф. Канцелярия, д. 124, Киселев - Нессельроде, 6/18 июля 1849, л. 811.

² Там же.

³ Ламорисьер - Токвилю, 11 августа 1849. Цит. по: Токвиль А. Указ. соч., с. 275.

⁴ Цит. По Bapst E. L'Empereur Nicolas Ier ... p. 72.

⁵ Английский посол в Турции.

⁶ См.: Bapst E. L'Empereur Nicolas Ier ... p. 84-98.

против любой опасности, исходящей от них¹. Сведения об этих событиях дошли до Парижа в конце сентября. Токвиль обратился с частным письмом к французскому послу (Друэн де Люис) в Лондоне. Министр писал: "Англия более заинтересована в этом деле и менее нас подверглась бы опасностям в случае серьезного столкновения, поэтому от ее образа действий должен во многом зависеть и наш. Надо, чтобы английский кабинет объяснил ясно и категорически, до чего он намерен дойти ... Если хотят действовать заодно с нами, то пусть говорят без обиняков. В таком случае мы, вероятнее всего, будем готовы действовать с большей энергией; в противном случае пусть не рассчитывают на нас. Также важно, чтобы вы убедились, как отнесутся к ожидаемым событиям различные фракции торийской партии..."².

В ответном письме Друэн де Люис сообщил, что английское правительство приняло решение послать флот в Дарданеллы, чтобы внушить храбрость султану и в случае надобности охранять Константинополь; то же самое просили сделать и французское правительство. Но Токвиль был против посылки французского флота. В "Воспоминаниях" он излагал свою позицию следующим образом: "... я был уверен, что в данном случае угрозы не содействовали бы достижению наших целей, а помешали бы ему. Если бы Россия захотела поднять вопрос о разделе турецких владений, чему я со своей стороны не верил, то отправка наших флотов не остановила бы этого кризиса; если же, как это казалось правдоподобным, дело шло только об отмирании полякам, то наши угрозы только увеличили бы опасность кризиса, потому, что загрозили бы для русского правительства путь к отступлению"³.

Шангарнье, Тьер, Моле были также против посылки флота. В беседе с Киселевым Шангарнье говорил: "... прежде чем ввязываться в совместные действия с Англией и чтобы не оказаться впоследствии ею брошенным, следовало бы потребовать, чтобы английское правительство высадило 30 тысяч солдат. Вот тогда и Франция смогла бы осуществить серьезную демонстрацию, не опасаясь быть одураченной Пальмерстоном"⁴. Кипучую деятельность развернул в это время Норманби с целью убедить президента присоединиться к шагам Англии. Основная причина такой позиции английского кабинета заключалась в том, чтобы, используя любой инцидент, помешать единству действий Франции с Австрией или Россией⁵.

Это вызывало сильное противодействие со стороны представителей "партии порядка", составлявшей парламентское большинство. Во время обеда у президента республики в Елисейском дворце, где присутствовал Норманби, Тьер осудил английскую политику, обратившись к английскому послу: "Милорд, ваше поведение 'совершенно непостижимо. Как вы можете вот уже 15 дней заниматься лишь тем, чтобы раздувать огонь в каждом уголке города, так что ваша линия скорей достойна школьника, чем посла. Неужели вы думаете, что мы столь слепы, что не видим, что

¹ Там же.

² Токвиль - Друэн де Люису 1 октября 1849. В кн. : Токвиль А. Указ, соч., с. 296.

³ Токвиль А. Указ, соч., с. 297-298.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 21 сен-тября/3 октября 1849, л. 1681.

⁵ АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 24 сентября/6 октября 1849, л. 1725. Всю эту сцену Киселеву передал Хюбнер. АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 29 сентября/11 октября 1849, л. 1801.

истинным двигателем ваших усилий и ваших слов является ревность к России. Но не надейтесь увлечь Францию в подобную ссору. Я первый поднимусь на трибуну, чтобы сказать правду и помешать ввязаться во всеобщий конфликт по такому незначительному поводу¹. В это время подошел президент республики, и Тьер повторил то же самое, добавив, "что Франция не хочет и не должна присоединяться к простой ревности других, чтобы развязать всеобщую войну, что ей нужно прежде всего установить порядок и спокойствие у себя"².

Одновременно Тьер старался через Киселева повлиять и на российский кабинет, чтобы последний смягчил свои требования в отношении Турции. Тьер говорил Киселеву: "Признаюсь, ваша слишком жесткая позиция в Константинополе боюсь ухудшит положение и облегчит Англии задачу увлечь президента на какие-либо необдуманные решения. Это опасение заставляет меня больше всего желать, чтобы обе державы не доводили свои требования до крайности в Турции, я, не слишком раздражая общественное мнение здесь и в Англии, помогли бы нам поддерживать мирную позицию Франции я не дать президенту вовлечь себя в ошибочную политику английского кабинета"³. Сообщая содержание этой беседы Нессельроде, Киселев предупреждал: "Хотя эта беседа не могла носить никакого официального характера, положение и влияние Тьера имеют слишком много веса в политике Франции, чтобы не придавать значения его словам"⁴.

Таким образом, лидеры парламентского большинства были против посылки французского флота. Но личная политика Луи-Наполеона одержала верх, он даже заявил, что отстранит правительство, если оно будет этому противодействовать. На заседании Совета Министров 10 октября французское правительство решило присоединиться к действиям Англии. Французский флот получил приказ отплыть в воды архипелага, чтобы встать между Смирной и Дарданеллами⁵. Токвиль выступил против, а согласие Фаллу получили обманным путем⁶.

Но желала ли Франция войны и разрешения восточного вопроса в данный момент? Ответ мы находим в депеше Токвиля Ламорисьеру в Петербург и Бомону в Вену. Министр писал: "Старайтесь вести дело самым мягким образом, не раздражайте самолюбия наших противников, избегайте слишком большой и слишком явной интимности с представителями английского правительства... Чтоб достигнуть успеха выражайтесь дружелюбным тоном и не старайтесь внушать страх. Выставляйте наше положение таким, каково оно на самом деле: мы не желаем войны, мы ненавидим ее, мы боимся ее ...."⁷ Одновременно Киселев сообщал: "Законодательное собрание не хочет войны и не позволят ему (президенту республики - В.А.) ее развязать ... В общем здесь все очень против идеи войны, и ни биржа, ни публика не

¹ *Всю эту сцену Киселеву передал Хюбнер. АВІР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 29 сентября/11 октября 1849, л. 1801.*

² *АВІР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 29 сентября/11 октября 1849, л. 1801.*

³ *Там же.*

⁴ *Там же.*

⁵ *АВІР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 29 сентября /11 октября 1849, л. 1801.*

⁶ *К больному Фаллу был послан Данжюин и последний, говоря о разных вещах, случайно упомянул о посылке флота, как о безобидной демонстрации и получил его одобрение. АВІР, ф. Канцелярия, д. 25, Киселев - Нессельроде, 1/13 октября 1849, л. 1811*

⁷ *Токвиль А. Указ. соч., с. 299.*

слишком волнуются относительно мер, принимаемых двумя морскими державами в делах Турции и шума, поднимаемого по этому поводу газетами"¹.

После того как французский флот отплыл в воды Архипелага Токвиль писал Ламорисьеру: "Вам нужно будет объяснить Нессельроде, что принимая это решение, мы руководствовались лишь необходимостью принять для Франции, в области, где обсуждается такой важный и деликатный вопрос, позицию, соответствующую ее достоинству и которая гарантировала бы интересы ее политики. Никакая мысль о враждебности или провокации не входит в наши расчеты"².

Но положение дел к этому времени изменилось. Турецкий султан, отказавшись выдать политических беженцев, в то же время написал собственноручно письмо Николаю I и послал его через Фуада-Эффенди. Российский император, зная, что общественное мнение Европы возбуждено против чрезмерных требований по вопросу беженцев и не желая обострять отношений с Францией и Англией, уступил, приняв турецкого посланника.

По новому проекту Россия требовала лишь выдачи шестнадцати поляков вместо 1100 по первоначальному требованию.

Исходя из новых обстоятельств, Нессельроде писал Киселеву: "Посылка флота в Левант, в непосредственной близости от Дарданелл может иметь серьезные последствия для Турции и Европы и в тот момент, когда вопрос о беженцах уже на пути к окончательному разрешению, рискует все поставить под вопрос... Пусть не забывают, в особенности, еще и того, что война поставит весь мир и Францию в первую очередь под угрозу нового всплеска антиобщественных страстей, которые потрясут Европу бот уже 18 месяцев³. Ознакомившись с депешей Нессельроде, Токвиль заверил Киселева, что "Франция сделает все, что от нее зависит, чтобы доказать свои миролюбивые намерения и чтобы не усугублять настоящее положение в Константинополе"⁴.

В конце октября Луи-Наполеон сменил правительство и назначил новое. Пост военного министра и временно министра иностранных дел получил генерал Опуль. В двух встречах (4 и 8 ноября) с Киселевым он подчеркнул, что "правительство как только получило депешу Ламорисьера, в которой отмечалось, что объяснения между петербургским кабинетом и оттоманской Портой уже почти завершены, сразу же отдало приказ своей эскадре возвращаться в Тулон, и этот приказ уже отправлен"⁵. Вместе с тем министр отметил, что "он первый находит посылку французского флота в Левант столь же неполитичной, сколь и ненужной, что он всегда считал, что сближение с Англией опасно и ошибочно для Франции, что единственный естественный, хороший и выгодный союз может быть у нас с Россией."⁶.

Через несколько дней Киселев встретился с президентом республики, который лично захотел ознакомиться с содержанием последних депеш из Петербурга. Луи-

¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 3/15 октября 1849, л. 1824.

² Токвиль - Ламорисьеру, 12 октября 1849. Цит. по: Варст в. L'Empereur Nicolas Ier

³ АВПР, ф. Российское посольство в Париже, д. 156, Нессельроде - Киселеву, 12/24 октября 1849, л. 132-133.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 14/26 октября 1849, л. 1911.

⁵ Там же, 28 октября/9 ноября 1849, л. 2038.

⁶ Там же.

Наполеон опроверг заявление Опуля по поводу приказа об отзыве эскадры в Тулон, но одновременно подтвердил, что решение об этом принято и что "французское правительство стремится поддерживать наилучшие отношения с императорским кабинетом"¹. В пост-скриптуме этой депеши Киселев сообщил: "Я только что от президента, который мне объявил, что генералу Опеку прикажут немедленно возвратить эскадру», «и что этот приказ будет отправлен ему послезавтра (15 ноября - В.А.). Он добавил, что этот приказ должен быть направлен генералу, т»к. эскадра находится в его подчинении"² 15 ноября Персиньи³ сообщил Киселеву, что приказ, адресованный генералу Опеку от имени Опуля в его двойном качестве министра иностранных дел и военного министра, сформулирован Советом в следующих словах: "Судя по новостям, полученным из Петербурга, дело политических беженцев завершено; вследствие этого мы приказываем вам немедленно возвратить флот"⁴.

Опуль писал Опеку; "Решения, принятые в Петербурге и Вене полностью удовлетворяют требованиям Порты, от которой добивались выдачи эмигрантов. Два императорских двора не прекращали заявлять о своих мирных намерениях, а военная позиция Россия вполне совпадала с этими заявлениями, поскольку ее войска начали отход после венгерской кампании; правительство республики считало, что нет основания для присутствия эскадры на Востоке. Поэтому оно решило ее отозвать"⁵. Вместе с тем Опуль предупреждал французского посла» что бы не произошло и что бы ему не говорило английское посольство» он должен немедленно отозвать флот⁶.

Но все же приказ об отзыве флота был приостановлен по двум причинам. Во-первых, из-за изменившейся ситуации по вопросу об эмигрантах. Проект соглашения, написанный Нессельроде не был принят полностью Турцией, в частности, она сохраняла за Францией и Англией право покровительства лицам, принявшим французское и английское подданство, но включенных российским канцлером в список 16 беженцев, подлежащих выдаче России. О новой обстановке генерал Опок информировал свое правительство. Киселев писал: "Из-за сообщения, полученного от генерала Опека по поводу соглашения, предложенного Вашим Превосходительством Фуаду-эффенди, в котором положение дел в Константинополе представлялось очевидно в искаженном и преувеличенном виде, французское правительство сочло необходимым остановить по телеграфу отправку приказа из Тулона о немедленном возвращении французской эскадры из Леванта"⁷. Во-вторых, из-за позиции Норманби, который пригрозил, что в случае осуществления этой меры без согласия Англии, с которой французский кабинет обязался идти в ногу в восточном вопросе, он потребует свои паспорта. Именно вследствие этой угрозы отъезд Ла Рокетта (представитель МВД) из Тулона был отсрочен⁸.

Узнав о решении французского правительства, Киселев отправился к президенту республики. "Президент обещал мне созвать Совет для обсуждения этого вопроса и

¹ АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 1/13 ноября 1849, л. 2057.

² Там же.

³ Один из сподвижников Луи-Наполеона.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 3/15 ноября 1849, л. 2СF78.

⁵ Опуль - Опеку 14 ноября 1849. Цит. по: Vapst B. L.) *Empereur Nicolas 1er ...* p. 117.

⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 3/15 ноября 1849» л. 2078.

⁷ Там же, 11/23 ноября 1849, л. 2125.

⁸ Там же, 21 ноября/3 декабря 1849, л. 2195.

немедленно сообщить мне через министра иностранных дел решение, которое будет принято в отношении действий эскадры. Вчера вечером (22 ноября - В.А.) генерал Лаитт¹. действительно подтвердил мне, что отзыв эскадры подтвержден Советом и что приказ, содержащий это решение, сегодня утром (23 ноября - В.А.) будет отправлен в Тулон, откуда отправят с Ла Рокеттом, которому поручена отправка и первого приказа. Министр добавил, что новый приказ содержит то же точное и определенное предписание генералу Опеку немедленно отослать эскадру, не ввязываясь ни в какие действия, что *могло бы сильно осложнить положение и что для французского правительства было бы весьма нежелательно..* (курсив наш - В.А.) - информировал Киселев².

Генерал Опек, получив депешу о возвращении флота, писал Лаитту, что турецкое правительство .”ждет со дня на день ответа из Петербурга на последние предложения Порты, касающиеся политических беженцев”., поэтому "неуверенность в ожидаемом ответе подсказывает ему необходимость возвратить флот только после его получения”³. Нессельроде принял вышеуказанную оговорку турецкого правительства, и вопрос о политических беженцах был улажен. После этого Лаитт официальным письмом известил Киселева об отзыве французского флота и его возвращении в Тулон и восстановлении дипломатических отношений между Россией и Турцией⁴.

Генерал Ламорисьер, узнав о смене правительства во Франции, потребовал своей отставки. Тогда французское правительство назначило генерала Кастельбажака чрезвычайным и полномочным послом в России. Киселев сообщил, "что, по мнению Шангарнье, Моле и Гизо⁵ невозможно было сделать лучший выбор⁶ .

Во время обеда у графа Моле генерал Опуль сказал Киселеву по поводу назначения Кастельбажака, что России дали человека, который придерживался тех же принципов, что и он, и Лаитт, добавил: "мы не любим союза с Англией”⁷.

Подведем некоторые итоги. Первый президент Французской республики Луи-Наполеон Бонапарт был англофилом. Отправив военный флот в Дарданеллы, он проявил солидарность с политикой Великобритании по отношению к Османской империи. Кроме того, французская дипломатия недавно добилась восстановления дипломатических отношений между Францией и Россией после февральской

¹ Новый министр иностранных дел.

² АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 11/23 ноября 1849, л. 2125.

³ Краткое содержание депеши Опека Лаитт сообщил Киселеву. АВПР, ф. Канцелярия, д. 90, Киселев - Нессельроде, 26 ноября 1849/7 декабря 1849, л. 19.

⁴ АВПР, ф. Канцелярия, д. 90, Киселев - Нессельроде, 31 декабря 1849/12 января 1850, л. 45.

⁵ В одной из своих ноябрьских депеш Киселев обращал внимание Нессельроде на статью в «*Journal des Débats*. по вопросу о политических беженцах и возвращении Гизо во Францию. Эта газета постоянно враждебно относилась к России, но на этот раз одобряла позицию России в восточном вопросе и порицала политику Англии и следовавшей за ней Франции. Киселев писал: "Причина этого изменения вызвана представлениями Гизо редакции газеты, на которую он сохраняет большое влияние. Гизо искренно и открыто восхищается политикой императора с февраля (1848 - В.А.) и особенно в венгерском вопросе. АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 14/23 ноября 1849, л. 2156.

⁶ АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 21 ноября/3 декабря 1849, л. 2195.

⁷ АВПР, ф. Канцелярия, д. 125, Киселев - Нессельроде, 23 ноября/5 декабря 1849, л. 2205.

революции 1848г. Царская Россия также была заинтересована в этом; несмотря на нарушение Венской системы 1815г. Россия, будучи членом «Священного союза» даже не пыталась создать антифранцузскую коалицию с участием Пруссии и Австрии. В тех исторических реалиях это попахивало авантюрой, тем более сама Европа была охвачена революциями. То есть вопрос политических беженцев не стал фактором для решения пресловутого «восточного вопроса». Поэтому конфликт был улажен мирным путем, чего не произойдет в 1853г.

Հոդվածը տպագրության է երաշխավորել խմբագրական
խորհրդի անդամ, պ.գ.դ. Վ.Ռ.Բալայանը: